

18+

Хватит быть размазней

Саша Расков

Содержит
цензурируемые
браны
18+

Саша Расков

ХВАТИТ БЫТЬ РАЗМАЗНЕЙ

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=39854960

ISBN 9785449604408

Аннотация

Что такое жизнь? Протяжённость эпизодов, наполненных разными проблемами, мечтами и бесконечным ожиданием чуда. Бегущая лента фотоплёнки, которая не останавливается ни на минуту. Можем ли мы прервать круговорот и взглянуть на происходящее со стороны? Рассказы Саши Раскова отражают правду нашего бытия. Мысли, чувства, эмоции – всё, что наполняет каждый прожитый день. Это истории, в которых вы узнаете себя. Истории о буднях и праздниках, любви и ненависти, выборе и его последствиях. Книга содержит нецензурную брань.

Содержание

От автора	5
Дерьмо случается	6
Малышка за миллион	11
Человек слова	15
Моя Ми	19
Лондон	24
Шестнадцатый	29
Во имя сна	34
Пацанская идея	42
Любовный приступ	48
Последствия революции	53
Сделка с совестью	58
Давай устроим скандал	64
День города	69
Конец ознакомительного фрагмента.	71

Хватит быть размазней

Саша Расков

Редактор Вера Вересиянова

Дизайнер обложки Григорий Храленок

Юрислингвист Надежда Чебоксарова

© Саша Расков, 2019

© Григорий Храленок, дизайн обложки, 2019

ISBN 978-5-4496-0440-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

От автора

Полтора года. Ровно полтора года я писал этот сборник. Каждый день от ста до трёхсот слов появлялось на белом экране, чтобы вы сейчас прочитали эти строки. В общем, ближе к делу. Хочу сказать большое, нет, огромное спасибо всем, кто меня поддерживал. Кто мотивировал на то, чтобы обрести хоть какой-то смысл жизни. Вы лучшие. Помните это.

P.S. Все рассказы являются плодом моей фантазии. Любое совпадением с реальными людьми или фактами – случайность.

Книга состоялась благодаря следующим людям:

Алексей Палагин, Антон Корицкий,
Игорь Масленников, Анна Шлома,
Игорь Калинин, Анатолий Оксюзов,
Игорь Беляев, Влад Китаев, Денис Попов,
Валерий Трубин, Алексей Ившин,
Александр Евлампиев, Пафнутий Котопесов,
Антон Шибakov, Алишер Мансуров

Спасибо вам, ребята.

Дерьмо случается

Мы стояли около круглосуточного магазина, спокойно потягивая пиво. Антон делился подробностями личной жизни, а я делал вид, что внимательно слушаю. Мне нравилось, что на улице царила тишина, потому что такое в квартале было нечасто. Удивительно, но в тот вечер я не видел бомжей, пьяных семейных разборок и любознательных подростков, вечно суетившихся на дурь. Складывалось ощущение, будто кто-то собрал их в одном месте и отвёз в лес, оставив умиротворение, шум от танцующих листьев и круглосуточный с пойлом.

– Санёк, ты слушаешь или как? – одёргивая меня, спросил Антон. – Ты тут?

– Да, мужик, продолжай, – вспомнив о собеседнике, ответил я.

– Короче, бесит она. Не знаю, что делать.

– Погоди! Я, наверное, не понял.

– Чего не понял?

– Например, почему бесит.

– Я только что об этом сказал.

– Может... повторишь?

Не скрывая усталости, Антон сделал последний глоток, бутылка со свистом полетела в мусорку. Обнажив пачку, он тщательно продул сигареты и закурил. Я последовал его при-

меру. Мы оба прикрыли рты.

– Курить молча – это, конечно, прикольно, – не поворачиваясь, заметил я. – Но я как бы жду... ответа.

– Твою мать, да какой ответ! Говорю: ленивая она, как сука! Я ей талдычу: уберись, помой посуду, закинь бельё. А она? Она проснётся в обед, раскинет ляжки и палит долбаные «Престолы»! Доволен?!

– Звучит печально.

– Да ты что! Я и не знал! – злился он. – И что ты посоветуешь?

– Слушай, начни смотреть «Престолы». Проблема решится.

– Ну да! Придумал! Ты будешь убирать хату?!

– Не-е... я тоже смотрю.

Антон рассмеялся. Было здорово, что мне удалось пошутить в грустный момент.

– Вот за что я люблю тебя, Саня, – так это за чувство юмора!

– Спасибо, Атос, – иронично поклонился я. – Повторим по одной?

Антон отказался. Вместо добавки он быстренько свалил, репетируя сценарий будущего конфликта. Я подобный вариант не рассматривал, поскольку, в отличие от друга, гостил у родителей. Окна шептали: отец не спит. А это означало, что ранний приход создал бы кучу проблем. Поэтому я решил ещё выпить и немного пройтись по району.

Зайдя в магазин, я целенаправленно подвалил к холодильнику, высматривая тару с серо-зелёной этикеткой. Не сказать, что «Клинское» было лучшим пивом, которое я пробоval. Просто оно было дешёвым и мало-мальски походило на настоящее, за что я его и брал. Никогда не понимал тех, кто предпочитал один «Миллер» двум «Балтикам». Если в обоих случаях травишься – зачем платить больше?

Позади раздался голос:

– Расков, братишка, – ты?

Обернувшись, я увидел молодого парня, одетого в порванную и местами мокрую белую футболку, синие шорты и чёрные тапки с вьетнамского рынка. Его звали Вова Проничев. Некоторое время мы учились в одном классе, пока он не перешёл в частную школу. Из-за модной стрижки и навороченного мобильного все считали его богатеньким. Однако спустя десять лет таковым он не выглядел.

– О, привет-привет!

Мы пожали руки.

– Какими судьбами? – поинтересовался я. – Сколько лет и никаких зим!

– Да я с работы... хотел чего-нибудь взять.

– А-а, ясно. Пиво будешь? Я угощаю!

– Можно. Вроде не спешу.

После серии неудачных шуток у прилавка мы расположились в соседнем дворике. Старая, но достаточно крепкая скамейка почти без скрипа приняла наши пятые точки.

Пока я мутил дым, Проничев ловко сорвал крышки. Мы чокнулись за встречу.

– Ну, рассказывай: как жизнь? – поинтересовался я. – Где работаешь?

– В автомойке, на Тополиной. А ты?

– А я не работаю.

– Почему? – удивился он. – Совсем?

– Ну да. В поиске.

– Эх, была бы моя воля – я бы вообще не работал. Но если уволюсь – батя не поймёт. Знаешь, со школы многое изменилось...

– В смысле?

Крепко затянувшись, Вова перевёл тему:

– Ты как? В Москву клеишь?

– Куда там! Мне бы тут человеком стать.

– Не знаю: сейчас в Тольятти не лучшие времена.

– Что верно, то верно. Но подумай: кому мы нужны в Москве?

– Никто никому не нужен, – задумчиво произнёс он. – Кстати, ты кто по образованию?

– Сложно сказать.

– Почему?

– Потому что по диплому я экономист, а по призванию – распиздяй.

– Мне бы такое призвание! – ухмыльнулся Проничев. – Устроишь?

Разговор затянулся. Следующий вопрос для обсуждения перебивал предыдущий, затем снова возвращался с подробностями. Такими темпами мы потеряли счёт времени.

Ближе к трём, убедившись, что я свой, Вова открылся:

– Кризис девятого помнишь?

– Помню, – кивнул я.

– До кризиса отец держал страховую, а мать – ателье. Тачка была – «Лексус», чёрный такой. Двухэтажный дом в Ягодном. Нормально жили. А потом бабах – и голяк!

– Так резко?

– Да. Фирму закрыли, как и ателье. Дом с тачкой скинули, чтобы закрыть кредиты. Теперь батя – водила маршрутки, а мамка – кассир в «Метро». Такие дела, братан.

– Мда...

– Ну, ничего – живём вроде, не голодаем.

– Крепись, мужик, всё наладится. Я верю.

– Светает уже... надо двигать.

Хлопнув меня по плечу, Проничев взял курс в сторону дома. Когда он отдалился на полсотни метров, я вскочил на скамейку:

– Вован!

– А?! – обернулся Проничев.

– Дерьмо случается, а мечты сбываются!

Вова улыбнулся и пошёл дальше.

Малышка за миллион

Несколько лет назад я частенько посещал одну кафешку, находившуюся в нескольких кварталах от моего дома. Каждое воскресенье ровно в десять я приходил к открытию, просяживая штаны вплоть до обеда. Там можно было курить, слушать приятную музыку, наслаждаться кофе, а главное – отдаваться творчеству. Единственное, что смущало, – редкое наличие гостей. Порой так сильно хотелось встретить прекрасную даму, которая, как и я, решила провести утро не в койке. И однажды это произошло.

Её я заметил сразу. Высокая, стройная и до безумия привлекательная брюнетка на двенадцатисантиметровых каблуках грустила за барной стойкой. Не буду скрывать: она мне понравилась. Хотя, если уж совсем честно, больше всего подкупал её образ. Несмотря на обыденность, он мог бы отлично вписаться в новую работу, ради которой я пошёл бы на всё.

Не снимая пальто, я присел рядом. Брюнетка не отреагировала.

- Как дела? – закуривая, спросил я.
- Не знаю, – безразлично произнесла она.
- Хороший ответ.
- Идиотский вопрос.

Атмосфера накалилась. Но не настолько, чтобы отступать.

– Супер, ты мне нравишься, – пододвинув пепельницу, признался я. – Хочу выпить чего-нибудь... Присоединишься?

– В десять утра?!

– Почему нет?

– Не-е, дружок, такого счастья не надо... Ты себя видел? В зеркале?

Мне стало неприятно. Мало того, что она меня опустила, так ещё и говорила пафосным голоском, создавая эффект мычания. В другом месте и при других обстоятельствах я бы её послал. Но не в тот раз. Я желал образ. И никуда бы не ушёл, пока он не проявился.

– Видел, минут двадцать назад, – набрался терпения я.

– И что ты увидел? Нищего мальчонку, который строит из себя коммерса?

– С твоим даром, очевидно, пора на «Битву экстрасенсов», – выдохнул я. – Однако ты ошиблась. Понимаешь, я не строю из себя... коммерса.

– Как мило! А при чём тут я?

При том, мать твою! При том!

– Ладно, слушай. Хочу написать о тебе в колонке.

– В какой колонке? – недоумевала брюнетка. – В смысле, в водопроводной? Погоди, ты сантехник, что ли?

– В смысле – литературной.

– А-а... И о чём ты пишешь? – смягчилась она.

– О женском пьянстве и двенадцатисантиметровых каблук-

ках.

Ответ её заинтересовал. Спрятав телефон в крохотную сумку – такую, которые девчонки таскают на вечеринках, – брюнетка кивнула на бармена. Я его вежливо подозвал, выбрал красное. Карты сложились.

После выпитой бутылки я узнал, что её звали Алёна. Она имела магистратуру по юриспруденции, толком нигде не работала и пару часов назад разбежалась с парнем. Справедливости ради надо отметить, что первое впечатление оказалось обманчивым: на самом деле Алёна была достаточно интересной, только уж больно ревнивой. Судя по её рассказам, бывший – из тех, кто не отказывался от любой юбки. На этой почве и разошлись.

Ближе к двенадцати Алёна захотела уйти. Поддержав инициативу, я быстренько рассчитался и чисто по-джентельменски, со всей пижнёй, открыл дверь. Когда мы, слегка пьяные и беззаботные, оказались на улице, я попросил у неё номер. Она опустила глаза:

– Саш... ты славный, но нам не по пути.

– Это ещё почему? – попытался возразить я. – Было здорово. Разве нет?

– Как сказать... дело в Мише.

– Это бывший?

– Да.

– И что с ним? Вы же вроде как расстались.

– Да, но... я всё равно люблю...

– Он изменял тебе. Неоднократно.

– Да, изменял... и мне плохо. Как представлю – охота сдохнуть.

– Ясно... – Мои руки непроизвольно опустились. – Приятно было познакомиться.

– Спасибо...

– И тебе.

Виновато улыбаясь, Алёна поправила сумку, её круглые бёдра поплыли в сторону остановки. В моей голове бушевало море вопросов, ответов на которые я не знал. Неужели в мире остались по-настоящему терпеливые женщины, готовые прощать самые скверные поступки? А если они были, то почему я не встречал их раньше?

– Может, как-нибудь, увидимся? – крикнул я. – Как друзья?

– Ты угощаешь! – не оборачиваясь, махнула она.

Вскоре кафе закрылось, а меня забрали в армию.

Мы больше не виделись.

Человек слова

Второй подход оказался куда сложнее первого. Капли едкого пота, собиравшиеся где-то под чёлкой, заполнили глазное пространство, заставив прерваться на седьмом повторе. Кинув штангу, я, словно битый тюлень, перекатился на край скамейки, вынул наушники. Учащённый пульс барабанил по вискам, вены раздувались от напора, а сердце истерично заказывало похоронку. Хотелось всё бросить, убежать, понежиться в ванне... Но я не сдавался – рельефная фигура была важнее. Особенно к лету.

Собрав влагу рукавом толстовки, я набрался терпения. Ноги повели к следующему тренажёру. Недалеко от меня, метрах в двадцати, перед зеркалом крутился мутноватый тип. Учитывая его подростковое лицо, начисто выбритый скальп, раздолбанные кеды и белую майку – такую, какие по сегодняшний день носят в гетто, – я предположил, что парень из местных. Впрочем, это не имело значения. Мне он не нравился. Да и вообще, я бы не обратил внимания, если бы мутный не улыбался при виде меня с железом. Очевидно, я веселил гада.

По окончании упражнения я перешёл к стеллажу с гантелями. К сожалению, он располагался около турника, где тусовался мутный. Взяв по одной, я нагнул корпус – мои руки вспорхнули как бабочки. Три или четыре повтора я на-

слаждался тишиной, как вдруг разразился смешок. Опустив гантели, я грозно посмотрел в его сторону:

– Дружище, ты себя проще веди!

Мутный заржал. Не будь мы в приличном месте, я бы точно взрезал ему по роже.

– Не гони, братишка, просто исходка угарная! Когда вижу – так и тянет отлить в штаны!

Не желая наблюдать за тем, как он это делает, я продолжил. Успокоившись, мутный немного попоколачивался по спортзалу, затем промычал:

– Братюнь, я тя раньше не видел.

– Первая тренировка, – не отрываясь, пробормотал я.

– Решил скинуть брюшко?

– Типа того.

– Ха, красава! А чё, зовут как?

Поставив гантели на место, я повернулся:

– Саша.

– А я – Серый. – Его ладонь опустилась на моё плечо. – А чё в ушах? Чё-то модное?

– «Дафт Панк».

– О-о! Ты любишь рок?! Прикольно! А я всю жизнь волосатых пиздил!

– Это не рок... скорее электроника.

– А-а, клубняк, что ли? Ну, так сразу бы и сказал, чё. Не-е, я рэпчик люблю. Ну, знаешь, может, слышал там: Баста, Гуф, Фараон?

Последний исполнитель в этом списке был явно лишним.

– Ну да, что-то слышал. Крутые темы?

– Шутишь? Ваше бодрое! А чё, сёдня ты ВКонтакте добавлю – заценишь! – возбуждённо пообещал Серый. – Ну ладно, харэ телегу катать, чё, давай совмеску замутим?

И тут у меня родилась мысль. Рядом находился человек, в котором я активно искал изъяны, чтобы оправдать ненависть к определённым людям. Если мне не составляло труда греть минус, смог бы я так же легко создать плюс? Да, Серый, тот мутный тип, был мне крайне неприятен, но ведь и он должен иметь положительные качества. Оставалось их найти.

– Давай, – согласился я. – Вижу, ты человек опытный – наверняка многому научишь. Итак, с чего начнём?

– Ништяк! Я знал: ты писанёшься! Ну чё, короче, давай начнём с приседа, поиграем в эту... как её... лесенку!

После отметки в семьдесят килограммов мы взяли паузу. Я притащил из раздевалки минералку, угостил нового друга. Он, естественно, не отказался, потому что своей не было.

– А ты давно занимаешься?

– Не-а, где-то месяц.

– Что сподвигло?

– Хрен знает, – потряхивая бутылку, задумался Серый. – Как бросил пить и курить, так и пошёл записался. Теперь планирую подкачаться, округлиться. Давно мечтал, но чё-то постоянно откладывал.

– Тянет пить?

– Не-а.

– А курить?

– Ну так, бывает... Я уже месяц не курю. Как-то пообещал себе, что больше ни одной. Мои пацаны до сих пор в ахуе. Тоже хотят, да не могут. А ты чё – смолишь?

– Смолю.

– Бросай! Есть такая поговорка: кто не курит и не пьёт – ровно дышит, сильно бьёт.

– Да-да. Слышал. Пошли ещё на раз – и домой.

– Погнали.

Завершив тренировку, мы выползли на улицу. Я достал сигареты. Лёгкий ветерок подхватил дым. Сначала Серёга подозрительно молчал, будто стеснялся что-то спросить, а потом не выдержал:

– Сань, братух, угости сигой, а?

Последние надежды на этого парня разбились о непробиваемую стену реальности. Я протянул ему полупустую пачку – Серый взял. Прикусив основание, он щёлкнул зажигалкой, но тут же замер. Пара мгновений – и его палец ослабил подачу газа, сигарета упала на асфальт.

– К чёрту! Если бросать, так до конца!

Я пожал ему руку. Серый был человеком слова.

Моя Ми

Чайная ложка, оставленная на стуле кем-то из гостей, упала на мраморный пол так, что звук от падения разошёлся по залу. Впрочем, кроме нас, этого никто не заметил, поскольку вот уже третий час бурлил новогодний корпоратив, олицетворявший не самую удачную самодеятельность, временами избитую музыку и дорогой алкоголь, надаренный пациентами в течение года.

– Это к любви! – поднеся фужер к губам, радостно воскликнул Никита. – Друзья! За это стоит выпить!

– Точно! Точно к любви! – поддержала его симпатичная медсестра, чьё имя я пытался вспомнить весь вечер.

– Вы серьёзно? – усомнился я. – А разве не к приходу женщины?

– Главное – не мужчины! – во весь голос засмеялся он.

Хлопнув меня по плечу, Никита, как и следовало ожидать, подкатил к медсестре, их горячие тела поплыли на танцпол – для более тесного знакомства. А я, не обнаружив подходящей пары, остался с полупустой бутылкой и немногочисленными коллегами, чей возраст шёл на рекорд. Не сказать, чтобы пенсионеры были плохой компанией, – напротив, мне нравились их шутки и то, как жадно они восхваляли жизнь. Это вдохновляло.

Допив игристое, я вспомнил о бедненькой ложке, которая,

как мне казалось, несправедливо исследовала пол. Я аккуратно приподнял скатерть. Моя правая нога вытянулась, лодыжка превратилась в крюк. Первая попытка оказалась провальной, вторая повторила её судьбу. Только на третий раз удалось поддеть кусок металла, швырнуть его на себя. Радуюсь, словно ребёнок, я подобрал ложку и... увидел её.

За столом напротив, ближе к сцене, сидела она – самая прекрасная женщина. Её богатые волосы загадочно обволакивали шею, закрывая от посторонних глаз очаровательную улыбку. Сочные губы соблазняли, чёрный тканевый костюм заводил, а татуированная часть спины, отражавшаяся в ближайшем зеркале, стимулировала фантазию.

Бесспорно, она была великолепна. Просто мечта!

– Эй, друг, – хриплым басом появился Никита, чья подруга отлучилась в туалет, – пойдёшь курить?

– Да-да... пошли, – растерянно согласился я.

– У тебя есть?

– Что?

– Саня, не тупи! Курить есть?

Забыв о пачке в пиджаке, я достаточно нервно обыскал карманы. Надо признать: мысли о той, что вдохновила, выбили из колеи.

– Есть, идём! – нащупав пропажу, обрадовался я.

– Мда... этому парню не наливать.

– Пошли, умник.

Мы уверенно двинулись в сторону выхода, как вдруг что-

то щёлкнуло в голове, и я намеренно притормозил. Не объясняя причин, набрался храбрости, ноги почти галопом понесли к сцене. Подойдя к самой прекрасной женщине, я выпалил:

– Татьяна!

Она повернулась. Лучи света, исходившие от её тела, показались ярче, чем прежде.

– Пользуясь случаем, хочу заявить, что вы самая прекрасная женщина!

Тут я почувствовал, как затряслись стены. Наверное, она посчитала меня безумцем. Или пьяным. В любом случае, мне хватило духа. Пусть грубо, пусть нагло, но я смог.

В это время на улице ждал Никита. Крупные снежинки ложились на его помятую водолазку, создавая подобие дизайнерского рисунка. Погода была чудесной. Даже очень.

– Что ты ей сказал? – закуривая, спросил он. – Выглядело странно.

– Забей... я ей должен... сказал, что в понедельник верну. – Я взял зажигалку.

– Много, что ли?

– Забей, говорю... я пошутил.

– Тогда зачем? Зачем подходил?

Вот и я задавался вопросом: зачем?

– На носу поставка медикаментов – хотел уточнить детали.

– А-а-а, ну понятно, – успокоился Никита. – А я думал,

ты на неё запал. Кстати, как тебе Катя? Которая медсестра?

Вскоре мы вернулись. Дойдя до кондиции, я всё-таки решился. Татьяна не возражала.

Мы долго танцевали, прежде чем прыгнуть в такси, которое унесло нас на другой конец города. Не знаю почему, но в тот вечер мне взбрело в голову показать ей набережную. Там, пробравшись через гигантские сугробы, мы зависли на пирсе. Пока на другом берегу Волги, где-то вдаль, тускло мерцали огни, наши губы слились в поцелуе. В какой-то момент мне даже показалось, что за рекой стояли такие же молодые и слегка сумасшедшие люди, приветствуя всех неммым покачиванием рук.

Вернувшись в машину, я потихоньку осознал реальность. А она, к сожалению, была суровой. Да, я искренне тяготел к Татьяне. Желал завязать роман. Но возможно ли построить отношения только на этом? Что может дать среднестатистический бюджетник женщине, которая априори заслуживает лучшего? Сочи на месяц, разговоры про честность и свою верность? Увы...

Незаметно для меня карета такси подъехала к бару, который выступал в роли автопати.

Наступил час истины.

– Тань, ты иди... – Я растоптал в себе романтика. – А я, пожалуй, поеду.

– Саш, ты меня бросаешь?

– Да.

– Уверен?

– Нет. Но так надо.

Дверь машины хлопнула. Это всё. Всё, что я услышал.

Рассчитываясь с водителем около дома, я заметил, как из его магнитолы тянулась старая, но вполне актуальная песня:

*«Между нами — океаны,
Между нами — чужие страны,
Далеко, о-о, далеко
От меня ты, моя, моя Ми»*

– Не так уж и далеко, – прошептал я. – Не так уж и далеко.

Лондон

На маленьких часах в виде домика, подаренных мне мамой на новоселье, большая стрелка подходила к отметке в девять утра, когда Антон принялся уничтожать недавно приготовленный завтрак. Его мощные пальцы так крепко держали вилку, что та непроизвольно дзинькала при каждом столкновении с тарелкой, доверху набитой хорошо прожаренным белком вкупе с аппетитными кругляшками. Морщась и слегка дрожа – то ли от противных звуков, то ли от свободно гуляющей по квартире осени, – я предпочёл заняться последним выпуском «Понедельника». По традиции на третьей полосе издания публиковалось интервью очередного вазовского экспата, который, как правило, лицемерно фонтанировал от города и его женщин.

– Что едят? – с набитым ртом поинтересовался Антон. – Мы умрём?

– Обязательно, – не отрываясь от газеты, ответил я, – но только после того, как ты выплатишь ипотеку. Так что не надейся.

– Я серьёзно.

– Я тоже. – Мятые листы опустились на мои колени. – Не веришь? Тогда слушай. Тут цитируют мэра: «Мы проделали большую работу, и теперь нам предстоит реализовать появившиеся возможности. Я не сомневаюсь в результате».

и уверен, что... Тольятти не загнётся, пока Антон чахнет за ипотеку».

– Да иди ты! Не смешно!

Не смешно, но достаточно забавно. Бревно мне в глаз, а лучше в два, если вырезка не разрядила атмосферу. Дело в том, что прошлой ночью Антон решил выпить, прежде чем сделать предложение. В итоге он перебрал настолько, что его тупо не пустили на порог. Что делать – пришлось приютить друга...

Отложив газету до лучших времён, я оперативно сварганил две чашки кофе. В это время Антон достал из сумки потрепанную пачку. Мы задымили.

– Сань, а у тебя сельдерей есть? – выдыхая, спросил он. – Ну, знаешь, такие длинные зелёные стебли?

– У меня? Откуда?

– Оу... ты, по ходу, не в теме.

– Оу, по ходу, да, – съязвил я. – С чего, блин, мне быть во всех темах?

– Всё с тобой понятно. Ты смотрел фильм «Лондон»?

– Не-а. Интересный?

– Ну как сказать... своеобразный.

– Про что он? Про город? Про мафию? Криминал?

– Хрен там! – тыкнув указательным пальцем в стол, воскликнул Антон. – Про любовь парня к девице, которую зовут Лондон.

– Странное имя, – заметил я.

– Плевать! Бывают и хуже. Главное, что в этом фильме есть глубокая идея.

– Какая? «Не называйте детей в честь столиц?»

– Теперь заткнись, внимательно слушай и не перебивай...

Понял? Итак, Лондон устраивает вечеринку в честь переезда в другой город. Туда приходит её бывший вместе с каким-то сорокалетним банкиром, задвигающим кокс по знакомству.

– Ну и?

– В течение фильма эта парочка тусуется в туалете хаты, где проходит вечеринка. Они болтают по душам, периодически нюхают. Сорокалетний рассказывает, что был женат, но в итоге развёлся. Молодой не врубается, почему так вышло, – ведь со слов банкира никто не изменял, да и проблем с капустой, очевидно, не было. Короче, после долгого спора сорокалетний злится и выдаёт тайну. Оказывается, на первом свидании его будущая жена заявила: ей нравится, когда её имеют четыре раза за ночь!

– Погоди-ка! Хочешь сказать, что они из-за этого развелись? – искренне удивился я.

– Не перебивай! Могу забыть!

– О'кей, молчу.

– В общем, фишка в том, что банкир – импотент. Прикинь: они жили три года, она его дико хотела, а он просто не мог! Вечные полшестого!

– И в чём мораль? Не понимаю...

– Как не понимаешь?! В том, что ты можешь быть краси-

вым, богатым, знаменитым, но если ты элементарно не можешь удовлетворить бабу – значит, ты никто! Санёк! Это реально страшно! Ты представь: придёт момент, когда нижний друг окончательно сдохнет и тебе останется разве что смотреть... А он придёт, будь уверен! Ты будешь живым человеком, но перестанешь быть мужиком!

И тут я задумался. Действительно, на протяжении всей жизни мы пытаемся заработать как можно больше, чтобы осуществить главную цель – обрести счастье. Но порой забываем о том, что молодые годы уходят, силы организма гаснут. Тот сорокалетний банкир имел все шансы быть отличным мужем и отцом, однако потерял базовое назначение, отчего стал ненужным. А ещё обиднее был тот факт, что любая женщина предпочла бы мужика похуже, главное – чтобы у него работало как по часам. Отсюда напрашивался вывод: даже при самом высоком развитии общества оно не перестанет жить инстинктами.

– Ладно, допустим... а при чём тут сельдерей? – недоумевал я.

– Сельдерей, друг мой, – это крутая профилактика. Чем больше его ешь, тем выше вероятность, что всё будет как надо.

Вскоре Антон ушёл. У меня не было настроения что-либо делать, поэтому я закутался в одеяло. Возможно, мой сон содержал бы красивый солнечный берег с прекрасной мулаткой в роли экскурсовода. Увы, вышло иначе: мне снился

кошмар. В нём был Антон, бегающий за огромным стеблем сельдерея, который истерично кричал: «Съешь меня, а то не встанет! Съешь меня!». А потом буквально из ниоткуда появился сорокалетний банкир. Он плакал, горько плакал. Банкир призывал на помощь, но я не мог – какая-то невидимая сила держала за ноги. Проснувшись, я почувствовал, как простыня негатива начала окутывать душу...

Ближе к вечеру я прогулялся до овощного рынка. Армянка по имени Сара сделала мне скидку.

Шестнадцатый

Капли дождя мягко ложились на подоконник, наполняя комнату приятным звуком. Прошло около тридцати минут с момента, когда мы в порыве обжигающей страсти скинули одежду, а наши тела предались плотским утехам. Помню, как она лежала на боку, её хрупкий пальчик рисовал осьминога на моей груди. А я, пребывая в состоянии эйфории, тупо пялился в потолок, размышляя о том, чему посвятить вечер.

– О чём думаешь? Тебе не понравилось?

Мне понравилось. Даже очень.

– С чего ты взяла? – удивился я. – По мне, так было здорово.

– А вдруг? – улынулась она. – Ольга, моя подружка, рассказывала про бывшего парня, который уверял, что ему нравится. А оказалось – нет.

– Странно... может, у неё не было рта?

– Саш! Я серьёзно!

– Я тоже.

Улыбка превратилась в недоумение с нотами будущего протеста.

– Фу-у! Что ты говоришь?! Вообще-то, это не обязательно!

– Тихо, тихо! Я пошутил.

– Все вы так... шутите.

– Ладно, закрыли, – массируя её бедро, сгладил я. – Кофе будешь?

– Не откажусь.

Предприняв некоторые усилия, я перекатился на край постели. На ковре беспорядочно валялись шмотки, помятые сигареты, разряженный айфон и гелевая ручка. Не вдаваясь в подробности относительно последней, я нащупал джинсы, энергично натянул их до пупка. Чего только не сделаешь ради девчонки. Особенно ради красивой.

На кухне было холодно. Растерев ладонью плечо, я сначала хорошенько обдумал, а уже потом распахнул верхний ящик. Маленькая баночка, принесённая Антоном накануне, была на месте. Кофейного топлива хватало ровно на две чашки, что весьма порадовало. Ловким движением руки я приподнял язычок чайника, повернулся к телевизору.

– А ты шустрый! – Она зашла на кухню. Её точёная фигурка скрывалась за толстым слоем одеяла. Со стороны выглядело потрясно. Ох, как потрясно!

«Опыт», – пришло на ум. Но я промолчал.

– После кофе... повторим?

На всю квартиру раздались фанфары какой-то третьесортной передачи с идиотским названием «Про это». На экране появился седовласый мужчина в стильных солнцезащитных очках, который неспешно гулял по Москве. Оглядываясь на проходящих девушек, он всем своим видом показывал решимость выдать что-то умное. Когда заставка подошла

к концу, плейбой покрутил задом у киоска и наконец-то открыл шоу.

Есть мнение, будто человек по своей природе не может быть моногамным. Ведь если посмотреть, даже на уровне животных моногамностью могут похвастаться лишь белые лебеди, волки и пингвины.

– И чёрные грифы, – дополнил я.

– Грифы?

– Птицы такие. Они живут парами. Если партнёр изменяет – это вызывает гнев стаи.

– Ого! Откуда ты это знаешь?

– Помню со школы, – прилично хлебнул я. – Наш биолог был помешан на пернатых. Каждый урок твердил про образ жизни, питание и... прочую лабуду.

Чтобы понять, насколько верны современные мужчины, мы пригласили десятерых представителей. Каждый из них – личность, имеющая свой статус, вид деятельности и, конечно же, семейное положение.

Поставив чашку на стол, я прикинул силы по организации обеда для двадцатилетней Киры. Несмотря на любовь к телевидению, она меня привлекала. Скажу больше: я уже мозговал о том, чтобы познакомить её с мамой.

– Есть будешь? – вежливо поинтересовался я. – Могу сварганить яичницу.

– Подожди... сейчас будет интересно.

На фоне студийного полотна возник тридцатилетний са-

мец, одетый в безразмерный свитер и торчащую из-под него рубашку. Как правило, такой видок имеют мужики, выросшие под чутким контролем. Естественно, мамочек.

У меня была девушка. Мы прожили почти два года. Хотели пожениться. Но как-то раз я спросил: какой я по счёту? В плане секса. Она призналась, что тридцатый. В общем, мы расстались.

– Ха! – не удержался я. – Во даёт!

– Чего даёт? – покосилась Кира.

– Забавная история! Разве нет?

– Нисколько.

Разговор иссяк. Надо было что-то придумать.

– Кир, поделись: а какой я по счёту?

Кира поменялась в лице. Не будь мы дома, я бы предположил, что к её пятке провели высоковольтный кабель.

– В смысле?

– В прямом. Какой я у тебя? По счёту?

Взяв с вытяжки пульт, она молниеносно погасила экран. Кажется, я попал в яблочко. Оставалось лишь надавить.

– Ну и? – настаивал я. – Чего напряглась?

– Ничего... просто... это важно?

– Расслабься, все мы люди...

– Шестнадцатый, – промямлила Кира. – Доволен?

Пауза.

– Шестнадцатый?! – от ярости воскликнул я. – Как? Как это возможно? Не понимаю! Тебе же всего двадцать!

– Да пошёл ты! Ты не судья! Ясно?!

Следующие пятнадцать минут больше напоминали развязку сериала, нежели сцену из провинциальной жизни. Собрав барахло, она с криками выбежала в подъезд. Мне хотелось остановить её, прижать к себе, соврав, что вскрывшийся факт не имел значения. Но я не мог. Злость, досада и разочарование обуздали душу, сковав позывы к героизму.

Твою мать, я был шестнадцатый. Шестнадцатый!

Ближе к ужину я успокоился. Кира, как представитель современного общества, где нет правил и порядков, заслуживала прощения. Сняв с зарядки мобильник, я нашёл её контакт, большим пальцем набрал: «Восьмая».

Ответа не получил. Всё было кончено.

Во имя сна

Темнота, окутавшая салон засаленной иномарки, отступала перед каждым фонарём, что мелькали вдоль пустого шоссе. Заднее сиденье, изуродованное гигантскими дырками от пепла, удачно разместило наши персоны, позволяя выпрямить ноги. По левую сторону от меня сидел высокий, красивый и достаточно уверенный Кирилл, имевший успех среди девушек, клевавших на его весёлый характер вкупе с приличной зарплатой. Пока он трепался по телефону, раскручивая очередного клиента, я читал Вождя в «Телеграме». Складывалось ощущение, будто мы ехали на сходку паблика «Миллионер», а не на вечеринку в честь его новой девчонки.

– Сколько уже? – положив трубку, кинулся к часам Кирилл. – Эх, опаздываем!

– Успеем... – промямлил я. – Кстати, куда двигаем?

– В смысле? К Лере.

– Это понятно. По какому адресу?

– В общагу. На Белорусской.

– Погоди. – Мой палец надавил на верхнюю кнопку мобильного. – Она живёт в общаге?

– Ну да, а что? – вопросительно посмотрел он. – Так говоришь, будто сам не жил.

– Жил, но то было в Самаре.

– А разница?

В принципе, никакой. Однако после пяти лет прозябаний в конуре размером десять квадратных метров я выучил несколько правил, которые помогали избегать проблем. Одно из главных – не приводи чужих.

– Забей, – отвернулся я. – Мы пойдём в её комнату?

– Наверяд ли, сегодня у них «Осенний бал».

– Комедийные сценки?

– Хрен знает. Типа школьной вечерки. Ну, знаешь... танцы, конкурсы и прочая лажа.

– Значит, пляски.

– Ага, – Кирилл горделиво потряс подарок, но ничего не услышал. – Малясь потусим, возьмём девок и ко мне. Нормуль?

– Вполне, – кивнул я.

Подъехав на парковку страшной кирпичной девятиэтажки, что строилась во времена подросткового периода Царя Гороха, мы оперативно рассчитались, вывалились на улицу. Парковка, заставленная в основном отечественным автопромом, располагалась на заднем дворе комплекса. Почему её организовали вопреки законам логики, я не разобрался, зато вдоволь насладился суровым ветром, который тотчас залез под пальто. Пройдя по тропинке около сотни метров, мы осторожно вошли внутрь. На пороге встретилась группа упоротых ребят, направлявшихся в курилку. Оценив нас взглядом, они что-то брякнули, но так и не остановились. Несмотря на малочисленность, преимущество было за нами. Ребята-

ки это почуяли.

Захлопнув за собой дверь, я увидел знакомую картину. В небольшом холле, между столами вахтёрши и охранника, дьявольски извивалась разгорячённая молодёжь. Давно охрипшие колонки извергали ломаные биты, приводя в экстаз всех, кто заблаговременно повисил градус. Стены, обшитые убогим жёлто-коричневым пластиком, стремительно потели. В воздухе витали запахи алкоголя, секса и чьих-то кислотных духов.

– Кирюся! – воскликнула фигуристая Лера. – Как я соскучилась!

– Привет, малышка! – довольно ответил Кирилл. – Смотри, что я принёс!

Кирилл достал прямоугольную коробку. Глаза Леры округлились.

– Это то, о чём я подумала?!

– Да... «шестёрка».

– Ты мой сладкий! – полезла целоваться она. – Я тебя обожаю!

– Брось, это мелочи.

– Кирюся, а это кто? Твой друг?

– Ах, да... знакомься, это Саша. – Его правая ладонь упала на моё плечо. – Мой верный друг и товарищ!

– Рад встрече, – протянул руку я.

– Взаимно, – улыбнулась Лера.

– Ну что, где сядем?

– Пойдёмте, я покажу.

Взяв за руку бойфренда, она повела нас в правое крыло здания. Шагая по длинному коридору, я заметил выглядывавший из-за угла крохотный силуэт. Настроив резкость, я распознал шестилетнего паренька с гигантской головой и азиатским разрезом глаз. Мальчуган был одет в дешёвые китайские кроссы, мешковатые брюки и кофейную водолазку, предназначенную для детей постарше.

– Эй, как тебя зовут? Ты...

– А ви скоро удёти? – на ломаном русском перебил он.

Признаться, я слегка растерялся.

– Не знаю. Может, через час. А может, и через два.

– Я хотел спать! Ви мишаити спать!

– Погоди...

Не дослушав, парнишка скрылся. Мне ничего не оставалось, кроме как безразлично пожать плечами и пойти дальше. В конце коридора я наткнулся на аудиторию, принадлежавшую библиотеке. Судя по громкости девичьих визгов, там и отмечали.

– О! Санёк! Ты куда пропал? – передавая мне рюмку, поинтересовался Кирилл.

– Видел пацана мелкого, лет шести. – Ручей клюквенной настойки побежал по телу. – Он спрашивал, когда мы свалим.

– А ты?

– Что я? Я не в курсе.

– Это Тимур, сын нашего дворника, – пояснила Лера. – Они приехали из Самарканда. Мальчик сильно болеет, поэтому плохо спит.

– Вот оно как!

– Расслабься... Вечерок потерпят – не умрут.

Чтобы не прослыть занудой, я целиком растворился в гулянке. Стол не отличался обилием салатов и прочими ништяками, зато выпивки было навалом. Оприходовав сначала настойку, а потом и коньяк, мы как сумасшедшие залетели на танцпол.

Спустя пару треков из прошлогоднего хит-парада, что являлось нормой для подобных тус, юный ди-джей, вещавший из пропускной будки, убавил музыку и, деловито постучав в микрофон, завопил:

– Йоу, йоу, йоу, леди-с энд джентльмен-с, с вами ди-джей Самокат, и это повод как следует пошуметь! – прокатилась волна эмоций. – Ае, ае, как настроение?!

– У-у-у-у! – ревела публика.

– Что?! Я вас не слышу!

– Диман, блядь, врубай уже! – занервничал кто-то.

– О'кей, о'кей! Следующий трек посвящается прекрасной Валерии, которую поздравляет её любимый Кирилл! Желаем счастья, здоровья, денег, и, конечно, любви!

Заиграла песня:

«Закрой глаза; всё постепенно, и тебя тут никто

не заменит.

*Утро подарит нам это мгновение, и холода за окном
не помеха.*

*Пока мы здесь, в тёплой постели, волосы волнами
по твоей шее.*

*Касания трепетны и безмятежны – мы, видимо,
нашли то, что долго хотели».*

Никогда бы не подумал, что Кириллу нравились «Грибы». Обычно он презрительно относился к музыке, рождённой в недрах Украины. Почему? Да потому, что они делали круто. Слишком круто для тех, кого принято считать врагом. Не найдя подходящей пары, я развалился на стуле. Мимо промелькнул Тимур, набравшийся храбрости выйти. Паренёк жутко волновался – его лёгкие надувались...

*«Здесь нас не найдут проблемы, только ты и я в этом
мире.*

*Время застынет на этом моменте; всё, что имею, я
отдам тебе.*

*Пальцы сжимаются крепко-крепко; это всё, что
нужно мне.*

*Готов убежать за тобой на край света, чтобы
ещё раз по-новому всё повторить».*

Мальчишка страдал. Махая ручонками, словно чокнутый регулировщик, он буквально разрывался от крика. Но никто не отреагировал. Видимо, не так уж и часто между людьми

таял лёд, чтобы позволить какому-то там ребёнку ломать кайф.

«Между нами тает лёд, пусть теперь нас никто не найдёт.

Мы промокнем под дождём, и сегодня мы только вдвоём».

Потеряв всякую надежду, парень спёкся, отступил домой. В порыве страсти Кирилл и Лера раздевали друг друга. Выглядело забавно. Даже очень.

«Между нами тает лёд, пусть теперь нас никто не найдёт.

Мы промокнем под дождём, и сегодня мы только вдвоём».

Дверь правого крыла распахнулась – по холлу прошмыгнул маленький камикадзе. Его ловкие пальцы открыли электрощит. Кажется, в руках он держал стакан.

«Между нами тает лёд, пусть теперь нас никто не найдёт.

Мы промокнем под дождём...»

Вспышка. Короткое замыкание парализовало аппаратуру, щиток оглушил помещение скрежетом и воспламенился. Находясь во мраке, народ не сразу осознал, что происходит. По-

слышался аромат жжёной пластмассы, а за ним повалил едкий дым.

– Горим! – спохватилась толпа.

Паникуя и толкаясь, все бросились к выходу. Острые языки пламени достигли потолка, отчего сработала противопожарная система. Под монотонный сигнал тревоги помещение окатил ледяной душ. Наиболее пьяные поскользнулись, их модные рубашки протирали пол. Одним словом, ад!

По итогам разборок узбекскую семью выперли.

Хочется верить, что у Тимура всё хорошо.

Пацанская идея

Солнце неприятно ослепило, когда я опустил стекло, тыкая по крохотной чёрно-зелёной кнопке на двери автомобиля. Привыкнув к чрезмерному свету, я уткнулся взглядом в пролетающие мимо дома, разросшиеся деревья, резвящихся в грязи детей и их мамаш, потягивающих разливное. Насытившись атмосферой рабочего квартала, я медленно повернулся к водиле. За рулём сидел Антон. Его рот извергал проклятья в адрес возлюбленной, которая накануне вынесла ему мозг. Такие откровения случались частенько, поэтому я со временем научился держать спокойствие и не лезть.

– Блядство! – ударив по рулю, выругался Антон.

– Где?! – заёрзал я.

– На Луне!

Конечно, на Луне блядства не было. Зато на душе Антона – наверняка. Дело в том, что неминуемо приближающаяся свадьба и связанный с ней головняк выбили парня из колеи. Приталенный костюм, купленный весной за огромные деньги, сильно погрызла моль. Кремовое платье, фотография которого прошла через всех родственников невесты, втихую продали. А свадебный торт – тот, что должен был произвести впечатление на завистливых подружек, – получился каким-то странным и убогим.

Желая отогнать груз сомнений, Антон вдавил магнито-

лу, надеясь отыскать что-нибудь из релакса. Пролистав десяток треков – скорее всего, из папки будущей жены, – он внезапно остановился. Воздух зашатался от мощного, достаточно энергичного баса. Пропустив вступительный квадрат, к нему присоединился клёвый магический семпл, напоминавший старую версию «Лаунчпада». Как по мне, звучало круто.

*«Я защищаю память о тебе,
Чтобы её не трогали руками-и.
Не разрывали нить, холодными волками
Боясь остаться в скользкой тишине»*

Обычно я не фонтанировал от подобных треков, но этот почему-то зашёл. Антон прибавил громкость – колонки захрипели. Судя по довольному лицу, он кайфовал.

– Это «Циркониевый браслет»? Как тебе?

– Чё?! – вытянулся я. – Не слышу!

– Нормально долбит, да?

– Кого?! Кого он долбит?!

*«Проходят дни, встречаются сотни звёзд,
И я их всех закрыл ладонью-у.»*

*Но твоё имя отзовется болью,
Которое не понял, не донёс»*

Антону позвонили. Вырубив магнитолау, он ответил. Было интересно наблюдать за тем, как менялись его эмоции. Сначала Антон обрадовался, отпустил пару шуток. Ближе к середине подозрительно замолчал. А под конец и вовсе вспыл:

– Скоро приеду, жди!

Ну вот, его опять кто-то подвёл.

– Проблемы? – спросил я.

– Забей... На мойку заедем, ладно?

Автомойка на Офицерской считалась типичным клоповником, который существовал за счёт местных жлобов, не желавших платить больше двух сотен за кузов. Не отличаясь качеством обслуживания или гибкой системой скидок, она всё же умудрялась приносить доход. Секрет крылся в том, что среди клиентов гулял слух, будто все её владельцы, которых за последние пять лет было тринадцать, погибли при странных обстоятельствах. Наблюдая за помывкой, зеваки обожали размышлять на эту тему.

Кто-то считал, что смерть приходила случайно, а кто-то выдвигал теории о карме, правительственном заговоре и чёрном колдовстве.

Подъехав к двухэтажному зданию, мы выползли из тачки, подошли к высоким воротам. Единственный бокс, принимавший с восьми до восьми, пустовал.

– Эй, друг! – обратился к мойщику Антон. – Хозяин тут?

– Наверху, – промямлил тот.

– Сань, подожди здесь. Я мигом.

– Давай.

Антон скрылся на лестнице, а я по привычке вытащил сигареты. Гаражи, мойки и разного рода мастерские мне нравились – там не работал идиотский закон насчёт курева.

– Угостишь? – почёсывая затылок, спросил мойщик.

– Не вопрос...

Вяло поднявшись со стула, мойщик вышел из тени. При дневном свете он выглядел хреново. Облысевшая голова, острые скулы, беззубый рот и адски тяжёлый взгляд. Этот мужик повидал многое. Даже очень.

– Я тебя где-то видел. Только не могу вспомнить где.

– Не знаю, может, на улице... или в магазине, – пожал плечами я.

– Молодой, а ты не родственник Креста?

– Вы знаете Креста? Он мой сосед. Бывший.

– Теперь вспомнил, – кивнул мойщик. – Ты с ним как?

Дела водишь?

– Я? Бросьте, какие дела! Здороваемся, когда приезжаю к родителям.

– Правильно... не стоит.

– В смысле?

Мойщик плюнул. Вслед за слюной полетел окурок.

– Как думаешь: кем я был? По жизни?

– В молодости?

– Да.

– Понятия не имею.

– Ну, тогда слушай. В своё время, в году этак девяносто втором, мы с Крестом сколотили бригаду, которая крышевала чуть ли не половину района. А зарабатывали вообще пачками! Шикарные тёлки, евро-хаты, тачки... Бам, бам, бам! – он старательно изобразил удары. – Нормально двигались, душняка не было.

Мойщик оглянулся.

– Короче, ближе к нулевым решили замутиться по деталям. Делюга росла как надо, но в один момент нарисовался левый чушкан, который посчитал себя умнее всех. Как полагается, забились на стрелу. А он, падла, торпед подтянул. Базарили, значит, базарили. Тут чушкан мне надерзил – я ему по лбу и вмазал. Сразу кипиш, стрельба...

– Серьёзно?

– Да, молодой, кровищи было... Жуть!

– Ого! А что потом?

– Суп с котом, – улыбнулся он, но как-то неуверенно. – Дядька чушкана в областной ментовке рулил. Чтобы браткам по этапу не идти, я на себя взял. За пацанскую идею и не такое брали...

– Похвально, – одобрил я.

– Чё тут похвального?

– То, что вы за идею. До конца.

– Слышь, молодой, ты амбиции осади! Мне твоя идея

в пятнашку вылезла, – всей грудью кашлянул он. – Ты на меня глянь... Нравится, да? Тоже хочешь?

– Подождите, а разве вам не помогли друзья? Тот же Крест?

Мойщик опустил голову – видать, я задел за живое.

– Вся эта блатота, молодой, до поры. – Он скользнул подошвой по полу. – Базару нет: я поступил красиво, но, честно говоря, слегка жалею. Ты не подумай, что я чёрт какой-то. Просто возня за бабки, которая была в девяностых, себя не оправдала. Вот ты говоришь: помог ли Крест? Помог. Дал сто косарей и сюда засунул. Я же без образования. Так чисто, каблуха за спиной. А он у нас сейчас важная птица – коммерсант! Думаешь, я ему нужен? Не-е, я никому не нужен...

Под ногами Антона закрипела лестница. Спрыгнув с предпоследней ступеньки, он радостно воскликнул:

– Лимузин будет!

Осенью мойщик умер. Слухи донесли, что от туберкулёза.

Любовный приступ

Тёплый свет, исходивший от кухонной лампы, мягко ложился на её плечи, подчёркивая изящность тела. Хрупкая, маленькая, но безумно самостоятельная Настя имела пышные светлые волосы, неприлично сочные губы, загадочные глаза и смышлённую голову, что встречалось нечасто. Осенний дождь стучал по подоконнику, грязные маршрутки подпрыгивали на лужах, а мы неторопливо болтали, пуская в вытяжку дым.

– Саш, возьми. – Она протянула зажигалку. – Не жалеешь?

– О чём? – выдохнул я.

– Ну, что пришёл? Мог бы остаться дома или с друзьями, – проводя пальцем по бокалу, размышляла Настя. – Нашим мужикам бабы не нужны...

– Не всем. Только мудакам и геям.

– А кто... ты? Мудак или гей?

Прищурившись, как де Ниро, я пошутил:

– Ты сомневаешься?!

Настя захохотала. Стало понятно, что дожать ситуацию будет нетрудно. Раскалённая страсть парила в каждом слове, действии, эмоции. Мне определённо нравились подобные девушки, особенно когда у них...

– Марсик! Иди сюда!

...не было кошек.

– Детка, у тебя кот? Ты не говорила!

– Наверное, забыла. – Пушистый залез ей на руки. – Ты не любишь кошек?

– Брось! Жить не могу.

Признаться, я соврал. Точнее, не открыл тайну. Дело в том, что я всегда любил кошек, собак, хомяков и прочую околodomашнюю живность. Сколько себя знаю, они постоянно вертелись рядом. Но ближе к двадцати я узнал, что вместе с любовью досталось и зло. Называлось оно «аллергия».

– Ладно, беги, – отпустила его она. – Эй, бармен! Мне кажется, или стакан пуст?

– Вызывали? – заигрывал я. – Вам как обычно? Со льдом?

– Да, а ещё... ещё расскажи про Грецию.

– Про Грецию?

– Ты вроде там работал. Разве нет?

– Недолго.

– Тем более.

– Ладно. – Хрустнул в бокалах лёд. – Представь, что где-то на земле, между Эгейским и Средиземным морями, есть остров. Такой маленький и, казалось бы, ничем не примечательный кусок суши, коих на свете миллион.

Молниеносно зачесались глаза. Началась реакция.

– Так вот, этот остров был бы самым обычным местом, если бы не события, что сделали его легендой, – проведя рукой по лбу, продолжил я. – Эта история началась в 305 году

до нашей эры, когда потомок некогда могучего Александра Македонского высадился с сорокатысячным войском.

К лицу хлынула кровь. Подскочило давление.

– Осаждая крепость около года, царь отступил, кинув сотни... нет, тысячи осадных машин. Настолько редких и дорогих, что купцы не смогли определить цену...

Не удержавшись от зуда, я прервал рассказ, намекая на желание выпить. Дождавшись удачного момента, растёр лицо, краем глаза заметил Марсика. Пушистый кайфовал в углу, в то время как я боролся за женщину.

– Ну и?

– В смысле?

– С островом?

– Точно, – сообразил я. – Жители острова решили продать осадные машины, а на вырученные деньги построить грандиозную статую в честь Гелиоса. По легенде, он был не просто богом, а настоящим создателем всего живого, который вынес остров из моря.

– Стой, а как они продали машины, если купцы не смогли их оценить?

Нос заложило. Дыхание участилось.

– Откуда я знаю? Слушай дальше.

– Ладно, ладно.

– Островитяне нашли талантливого скульптора Хареса, которому заказали статую, превышающую человека в десять раз! Двенадцать лет скульптор трудился над задумкой, отда-

вая ей всё свободное время.

– Саш, ты здоров?

– Когда он закончил... – кивнул я, – ...перед глазами жителей предстал высоченный мужик с золотистым венком. Его звали Колосс Родосский!

И тут я понял, что моя песенка спета. Не объясняя причин внезапного поступка, я спешно покинул кухню. Залетел в ванную, подбежал к зеркалу – и ужаснулся: мокрые глаза, пухлый нос и бордовая рожа! Хотелось крикнуть: «Синьор Помидор!»

Спустя несколько минут в дверь постучали:

– Ты живой?

– Чёрт! – Струя воды обрызгала джинсы. – Не переживай! Скоро выйду!

– Скажи честно: у тебя аллергия?

Подняв голову, я плавно опустил рукоятку крана.

– Да, на кошек.

– И у меня! – обрадовалась Настя. – Открой шкаф, там на второй полке антигистамин. Брызни два раза.

– Погоди, я не врубился.

– Чего?

– Как ты живёшь с котом? Сама же страдаешь...

– Шкаф открой.

Один бог знает, как мне полегчало. Впитав частицы фу-роата флутиказона и прочих замудрённых ингредиентов, организм вошёл в норму. Не питая иллюзий относительно про-

должения, я вывалился в коридор. На входе в комнату стояла она. Нагая и прекрасная, как Афродита на картинах Бугро.

– Поиграем? – услышал я.

Пульс участился. Болезнь отступила. Зритель ждал развязки.

В порыве чувств и многочисленных поцелуев мы упали на койку. Просторное ложе пришлось по размеру. Сорвав рубашку, я как можно ближе пододвинул её бёдра. Пара мгновений – и мы...

Неожиданно, будто из воздуха, нарисовался Марсик. Втиснувшись между нами, этот гадёныш специально задел моё лицо, активизировав приступ. Происходящее далее смахивало на жёсткий наркотический клип, где герой всеми силами пытается отрезветь. Шарахаясь, спотыкаясь, многократно чихая и периодически высмаркиваясь, я свалил.

Спустя неделю мы совершили задуманное. На этот раз у меня.

Последствия революции

Звёздное небо окутало побережье Эгейского моря, оставив место лишь маленькой луне, освещавшей путь всех очаянных туристов острова. В ту ночь наша скромная компания, состоявшая в основном из нетрезвых молодых людей, расположилась на краю муниципального пляжа, окружённого с одной стороны бесконечной водой, а с другой – двухполосной дорогой, имевшей успех среди тех, кому не спалось. Помню, как ветер обдувал наши загоревшие лица, тёмные волны заряжали романтизмом, а музыка, доносившаяся из городских баров, вселяла надежду на счастливое завершение вечера.

– Парни! – с трудом перекатившись на колени, засуетился Ваня. – Сколько времени?!

– Двенадцать, – ответил Антон. – Что, уже?

– Блин, надо занять столик! Кто как, а у меня большие планы.

– Да, встаём! – скомандовал Марк. – Пора тусить!

– Как в последний раз, – шёпотом добавил я.

Пока все поднимались, отряхиваясь от назойливых песчинок, я даже не шелохнулся.

В последний день мне не хотелось. Не хотелось покидать море.

– Саня, вставай! – настаивал Марк. – Мы ждать не будем.

– О'кей, – протянул я, но не встал.

– Расков, какого хера?! – рассекая воздух, нервничал Ваня. – Мы же договорились! Сегодня день горячих тёлочек! День, когда сбываются мечты!

– Ау-у-у-у! А-а-ау-у-у-у-у! – по-волчьи завыл Марк.

– Чё разорались? Дайте человеку отдохнуть! – заступился Антон. – Идите в клуб, мы подскочим.

– Да ну вас... – махнул Марк. – Ванёк, пошли!

Антон сел рядом. Вместо того чтобы сотрясать воздух, он предпочёл допить игристое, любуясь красотой греческой природы. Мы хоть и не говорили, но хорошо понимали друг друга. Не знаю, как долго мы наслаждались бы тишиной, если бы не голос:

– Мальчики, вы из Киева?

– Мы?! – повернулись мы.

– Ну, вроде как вы... – с долей сомнения повторил голос. Это была невысокая, но вполне привлекательная брюнетка, одетая в короткие джинсовые шорты и обтягивающий топ. Рядом с ней стояла подруга, пыхтевшая над штопором.

– Из Тольятти, – вклинился Антон. – Вам помочь?

– Тольятти? Это в Италии?

Переглянувшись, мы засмеялись. Не скрывая позитивного настроения, Антон в два счёта открыл бутылку. Девчонки остались довольны.

– Предлагаю объединиться, – вдохновился я. – Немножко выпьем и в «Колорадо». Нам обещали какого-то шведского

ди-джея. Говорят, очень крутой.

– Очень-очень крутой! – подкрепил доводы Антон.

Посоветовавшись, блондинка одобрила:

– Мы согласны, но при условии, что вы расскажете, почему смеялись.

И мы рассказали. Рассказали про Тольятти, машиностроение, панельные девятиэтажки, долгую зиму и изнуряющее лето. Упавшие с неба девчули были из Харькова. Блондинку звали Кристина, а её подругу – Олёна. Причём именно через О. Им было по двадцать, а может, и больше. Мы не спрашивали.

Накачавшись сухим красным, мы направились в клуб. Дорога занимала около десяти минут, перетекая с широкого асфальта на узенькую брусчатку. Антон и Олёна прониклись симпатией, поэтому мы неосознанно разбились по парам.

Примерно на полпути, проходя мимо кафе с украинским флагом, Кристина спросила:

– Саш, хочешь домой?

– Признаться, не очень.

– Вот и я.

– Хм, не удивительно. Кто хочет уезжать из рая?

– Дело не в этом... Возможно, это покажется глупым, но в последние дни мне крайне беспокойно, – она остановилась. – Кажется, скоро что-то произойдёт...

Тяжело вздохнув, я взял её за руки. Впереди ворковали голубки, обсуждая повадки будущего ребёнка. До «Колора-

до» оставались считанные метры.

– Будет плохо? – прикинул я.

– Кто знает? – опустила голову Кристина. – Зря я тебе... забудь.

– Послушай, прямо сейчас ты идёшь по сказочной улице на одном из лучших островов Греции. Проблемы и негатив – они там, – кивнул я на облупившуюся постройку. – Здесь только ночь, интрига и я.

Поверив моим словам, Кристина успокоилась. Мы заметно ускорили шаг.

Когда зашли в клуб, первое, что попало на глаза, – дикая толпа, желающая отовариться в баре. Сложилось впечатление, будто на выступление разрекламированного музыканта пришёл весь остров. На другом конце танцпола, почти в углу, я разглядел Ваню и Марка. Пробравшись через сотню тел, мы подошли знакомиться.

– А вот и мечтатели! – хлопнув по столу, бросил Ваня. – Належались?

– Недурно, – оценил девушек Марк.

– Ребята! – Моя рука приобняла Кристину. – Этих прекрасных созданий зовут Кристина и Олёна. Они согласились потусить с нами, но с условием, что мы покажем, как это делают в России. Что скажете?

– Ау-у-у-у! А-а-ау-у-у-у-у! – услышали мы.

Трудно описать, что было дальше. Вплоть до рассвета мы постоянно танцевали, нескончаемо пили и откровенно дура-

чились. Нам было хорошо. Даже очень.

Ранним утром, когда у организма диагностировались слабость и недомогание, мы отправились провожать девчонок. Подошли к старому, но достаточно уютному отелю – наступила пора прощаний. Наша группа улетала в обед, поэтому никто не питал иллюзий. Нежно поцеловав Кристину, я ещё долго смотрел ей вслед...

– Олёна, я женюсь на тебе! – крикнул Антон. – Вот увидишь!

– Пошли уже! – чувствуя досаду, рявкнул я.

Где-то полгода мы переписывались. Иногда я писал много, повествуя о событиях провинциальной жизни, а иногда мало, ограничиваясь банальным «Как дела?».

В начале 2014 года на Украине случился политический кризис, в результате которого жизнь перевернулась с ног на голову. Я бы не писал так уверенно, если бы Кристина не добавила меня в чёрный список. Раз и навсегда.

Сделка с совестью

Свежий апрельский день радовал так, будто вчера я купил дом и тачку, не разбив при этом копилку. Помню, как не спеша брёл по центральной улице города. Ветер периодически надувал плащ, а крохотные почки на ветках готовились к звёздному часу. Не знаю почему, но весна дарила призрачную надежду, что скоро, совсем скоро жизнь изменится. Хотелось верить, что к лучшему.

Где-то на полпути забренчал мобильник. Обнажив старую, но ещё функционирующую «пятёрку», я усердно сосредоточился на телефоне. Тусклый шрифт, внедрённый в седьмой версии, как обычно, не определил абонента. Прикинув варианты, я забил на сомнения – большой палец скользнул по экрану.

– Алло, Саня, Санёк, это ты? – спросил знакомый голос.

Это был долговязый Женя, с которым мы иногда зависали в «Штабе». Он не отличался великими знаниями или креативным мышлением, зато слыл отличным парнем, которому доверяли. Возможно, именно это привело его в помощники депутата. А возможно, то, что его папа возглавлял городскую Думу.

– Да, привет, ковбой! – доброжелательно ответил я. – Сколько лет и никаких зим! Как поживаешь?

– Саня, это действительно ты! Как же мне повезло! Просто

удача! Всё нормально, сам знаешь! Ты где? В Новом?!

– Ну... да, иду по Ворошилова. А что?

– Господи, какая удача! Какая удача! – фонтанировал Женья. – Слушай, у меня просьба. Очень, очень важная!

– Говори.

– Сань, сегодня «мой» встречается с жителями. Ровно в семь. Сможешь подменить?!

– «Мой» – это кто? – поинтересовался я. – Друг?

– Да какой друг! Депутат Лисин, на кого работаю.

– Жень, я в этом не шарю...

– Там и не надо. Поболтаешь с народом, запишешь жалобы. Как два пальца!

Нависла пауза. Скажу честно: политика – не то направление, в котором я желал бы себя проявить. И дело не в том, что о ней говорили как о лживом поприще. Нет. Просто у меня она вызывала жар, мигрень и неприятные колики. Однако мог ли я отказать товарищу? Мог, но решил не отказывать.

– А что с собой нужно?

– Смотри. Там встреча с активом. Возьми блокнот и ручку. Есть блокнот?

– И даже ручка.

– Отлично! Как же мне повезло! Просто удача!

– Подожди, а куда идти?

– Ах, да, точно... Запиши... в смысле, запомни. Приёмная Лисина Сергея Петровича: улица Кривая, дом тринадцать, вход с торца. Принял?

- Да, с тебя бутылка.
- Сделай как надо – и получишь две.
- Договорились.
- На связи.

Закончив разговор, я заметил, как солнце скрылось за густыми тучами, что отразилось на атмосфере в целом. Ветер, казавшийся дружелюбным, внезапно сошёл с ума. Подхватив сухую грязь, он разнёс её по лицам и без того ускорившихся прохожих. Стало понятно: надвигается дождь. Так происходило, когда кто-то заключал сделку. Сделку с совестью.

Спустя час, поникший и промокший, я всё-таки отыскал приёмную. Двухэтажное кирпичное здание больше смахивало на гаражный комплекс, нежели на место, где эффективно решались проблемы. Подойдя к входу, я наткнулся на толпу пожилых граждан, требующих пустить их внутрь. Через несколько минут дверь распахнулась, на порог выполз свиноподобный охранник. Оглядев толпу, он безразлично сплюнул.

Пропустив нескольких бабушек и хромого деда, я зашёл в огромный, но достаточно мрачный офис. По периметру были расставлены школьные парты, на которых чахли различные сладости. Ворча и толкаясь, гости быстро определились по местам, а самые опытные зарядили чайник.

– Здравствуйте, товарищи! – весело и задорно появился депутат.

Сергей Петрович оказался симпатичнее, чем на фото. Этот невысокий прилично одетый мужчина был похож профессора, который преподавал в коммерческих вузах. Его мягкий баритон вселял уверенность, а стильные круглые очки располагали к беседе.

– Как здорово, что вы пришли! – продолжил он. – Все вы знаете, насколько тяжело живётся народу. Как сильно давит западный враг!

В знак солидарности бóльшая часть кивнула.

– Конечно, эти невзгоды отражаются и на нас – простых смертных. Сегодня я призываю сплотиться, призываю забыть о мелких разногласиях...

– Сергей Петрович! – перебил хромой дед. – Сколько можно терпеть пивнушку? У третьего подъезда? Это кошмар какой-то! Вы обещали, что разберётесь!

– Да, а что с капремонтом? Кто нам сделает крышу? – подхватила женщина в красном. – Я ходила в мэрию, но они развели руками: не наш, мол, вопрос!

– А с детской площадкой?! Ни-че-го! – проглотив конфету, возмутилась бабушка.

Прокатилась волна криков. Второй перебивал первого, но был перебит третьим, которого, в свою очередь, перебил четвёртый. Шум, гам и бардак посеяли в депутате ярость. Сделав глубокий вдох, Лисин рявкнул:

– Послушайте!

Народ притих. Лавки затрещали от пятых точек.

– Хватит шуметь! Помощник тут?! – огляделся Сергей Петрович.

– Тут! – среагировал я.

– Идите к помощнику. Он запишет жалобы. Обещаю, что с каждой будем работать. Хорошо?

– А пивнушка...

– Хорошо?!

Следующие полтора часа депутат Лисин повествовал о санкциях, экономической блокаде, шпионах госдепа, проблемах «Автоваза» и прочих обстоятельствах, мешающих жить простому люду. Говорил складно и чётко, исключая возможность инакомыслия. В это время к моему столу подходили люди. У кого-то не работал лифт, у кого-то перекопали двор в поисках закладок, а у кого-то разобрали крышу, да так и не собрали. На каждого приходилось отвлекаться, что не могло не злить. Правильно ли было просить о какой-то мелочи, когда государство боролось за выживание?

В конце встречи Сергей Петрович поблагодарил восторженную публику, расцеловал избирательниц. Но когда закрыл дверь за последним гостем, его улыбка вдруг испарилась.

– Слышь, молодой, как тебя? – спросил Лисин.

– Вы мне? – удивился я.

– Тебе. Как зовут?

– Саша.

– Короче, Сашок, много написал?

– Двадцать две жалобы...

– Сука, бля, как они заебали! – выпалил он. – Им, тварям, скоро подышать, а они жалуются, жалуются, жалуются...

Этого не могло быть! Я не верил ушам!

– Ладно, короче, собирай манатки и домой. Перепечатай эту ересь, потом отправь Женьку. Всё ясно?

– Ясно, – выдавил я.

Депутат открыл дверь, обернулся:

– Ты хоть и глухой, но вроде ответственный. Приходи в среду – поищем тебе работу.

Выполняя распоряжение, я собрал сумку, выскочил на улицу. По дороге домой искал мусорку. А когда нашёл – выкинул блокнот.

Бутылку мне так и не отдали.

Давай устроим скандал

Солнечные лучи освещали её макушку так, что казалось, будто вокруг головы образовался нимб мученицы. Её распухшие от переживаний глаза выдавали тоску с примесью горького сожаления. Сидя на кухне за столом напротив, я беспомощно наблюдал, как тряслись её губы. Уставший и опустошённый от гулянок назло, я хотел покаяться – за измены, за пьянки, за себя. Трудно сказать, понимала ли она природу моих поступков. Вспоминала ли, как здорово всё начиналось? Вместе, на вершине Дыхтау или на волнах Средиземного моря, мы могли бы до старости считать звёзды. Могли бы бесконечно любить, посвящая друг другу жизнь. Могли, но не стали. Наша история, подобно миллиону других, приближалась к концу. И это, честно говоря, смахивало на катастрофу.

– Может, передумаешь? – спросил я.

Промолчав, она потянулась к чашке остывшего кофе. Её тоненькие пальцы, забывшие приятную работу маникюрщиц, ухватились за ручку. Каждое движение, каждая эмоция этой девушки несли грацию и совершенство.

– Послушай...

– Саш, не нужно, – перебила она. – Мы это обсуждали. К чему повторяться?

– Ну да, – опустил голову я. – Однако у меня вопрос. Толь-

ко один.

– Раз один, то давай. Спрашивай.

– Ты меня любишь? В смысле, как раньше?

Мы прожили около года, но я никогда не видел её слёз. Удивительно, как стойко она держалась. Почти месяц мы фанатично ругались, ночевали в разных комнатах и намеренно кромсали чувства. И ни капли. А тут...

– Дурак ты, Саша! – Солёная струйка побежала по её щеке. – Разве не видно?

– Да знаю, что дурак. Мне бы, ослу, подождать.

– Что было, то прошло, – спешно вытерлась она. – Кстати, я тоже хочу.

– Чего? – на секунду окрылился я.

– Задать вопрос.

– А-а, ты про это... Конечно, что угодно.

– Скажи прямо: почему? Почему ты так поступил?

Поднявшись со стула, я подошёл к вытяжке, лёгким движением толкнул пластиковый выключатель. Гул старенького вентилятора, загаженного уродливой желтизной от дыма, разрядил атмосферу. Впрочем, оттягивать дальше было глупо. Я решил выложить всё. Всё как есть.

– Помнишь, как мы заехали в эту квартиру?

– Помню, – пытаюсь найти связь, ответила она.

– Это было в августе. – Слабенький огонёк поджёг сигарету. – Признаюсь: я реально был счастлив. Серьёзно. Ты бросила дом, бросила друзей, семью, работу, промчала сотни

километров. И всё ради меня.

– И что? Что случилось?

– После армии, после всей хрени, что я пережил, мне хотелось одного: встать на ноги. Понимаешь? Для мужика это важно. Мы рождены, чтобы достичь, покорить, заработать. Сидеть под юбкой – для лохов.

– Ближе к сути.

– К сути? – Сердцебиение участилось.

– Да, к ней. Зачем ты это рассказал?

Сложно открыть правду, когда она, скорее всего, затушит пламя некогда крепких отношений. И вроде ты желаешь как лучше – пытаешься обсуждать проблемы на корню, а не лицемерно замалчивать. Как взрослый, умный, современный человек, продумываешь стратегию, подбираешь слова. А в итоге осознаёшь, что с женщинами это не работает. Они чересчур эмоциональны, чтобы принять критику. Даже обоснованную.

– Ты замкнулась...

– Что, прости?

– Ты замкнулась. Понимаешь? – Меня понесло. – Пока я суетился, добывая нам бабки, ты намертво приклеилась к дивану. Блядь, как же объяснить? Короче, тебя будто подменили. Все твои грандиозные планы превратились в труху. Так же нельзя!

– Вы посмотрите! Кто у него виноват?! Баба!

– Ты хотела прямо?! Получай! – зарычал я. – Давай по-

считаем: сколько раз я знакомил тебя с друзьями? А с их жёнами?

– Да мне эти дегенераты – в белых тапках! И жёны у них – курицы!

– Вот! В этом и беда! Сначала ты презирала друзей, затем их жён, а потом и меня. Да, я мужик. Да, я обязан. Но это, мать твою, не значит, что я до гроба буду терпеть апатию, что мешает тебе... помыть посуду!

Нависла пауза. Один бог знал, что у неё на уме.

– Ты прав. Мне тут сразу не понравилось, – тихо произнесла она.

Затушив бычок, я вернулся за стол. Вся злость, весь негатив от ситуации внезапно испарились. Было бы круто залезть в середину романа, переписать пару строк и как ни в чём не бывало дружно существовать. Но жизнь не роман – переписать невозможно.

– Я думала, у нас будет по-другому. Всё представлялось красочно, романтично. Знаешь, я мечтала встречать тебя вечерами, кормить ужином, спрашивать, как день...

– Но?

– Это не для меня. Бытовуха сожрала заживо... Гладь, убирай, стирай, выкидывай, закидывай... Плюс этот город. В какой-то момент я почувствовала себя одинокой. Тебя нет, подруг тоже. Сиди как тетеря да радуйся, что сыта.

– М-да, – вздохнул я. – А я злился.

– Вы всегда злитесь. Особенно не разобравшись.

Смартфон подпрыгнул от вибрации. Такси ожидало у подъезда.

– Куда поедешь? – Я подал сумку.

– Домой.

– Мы ещё увидимся?

– Надеюсь, что нет.

Вскоре она уехала. Наше скромное жильё, переполненное разнообразными женскими штучками, заметно опустело. На диване больше не валялись полотенца, шкафы не ломились от белья. Пропали крики, ссоры и недопонимание. А с ними – и то, что называлось «любовь».

Спустя год она вышла за стоматолога. От обиды я запил на неделю.

День города

Концертный зал взорвался от аплодисментов. Группа танцоров, наряженных в калмыцкие национальные костюмы, поклонилась охочей до зрелищ публике, после чего удалась за кулисы. Под торжественные фанфары, отдалённо напоминающие «Имперский марш», выкатился ведущий с идеальной, как гладильная доска, спиной. Поприветствовав женщин лёгким взмахом руки, он уверенно открыл концерт:

– Привет, Тольятти!

По залу прокатилась волна поддержки. Казалось, никто уже и не помнил, как под страхом увольнения их сгоняли на мероприятие.

– Уважаемые дамы и господа! Не секрет, что сегодня мы отмечаем, пожалуй, самый важный праздник в году – День города! Ровно двести восемьдесят лет назад Ставрополь-на-Волге был основан известным политическим деятелем Василием Татищевым. С тех пор многое изменилось, кроме, пожалуй, главного – людей. Да, как и прежде, в своих делах они талантливы и благородны... Дамы и господа! Для специального поздравления приглашается мэр городского округа Тольятти – Иван Константинович Образцов!

Попадая в такт барабанной дроби, мимо телекамер пробежал элегантный мужчина в лакированных ботинках, си-

нем приталенном костюме и белоснежной рубашке с красным галстуком. По мнению оппозиционных журналистов, за время правления он отличился двумя вещами. Во-первых, увлекался фехтованием. А во-вторых, создал благоприятные условия для некоторых лиц, которые из года в год потрошили бюджет.

Уважаемые тольяттинцы! Поздравляю вас с Днём города!

Происходящий кутёж не был бы таким забавным, если бы не коллега-медсестра, которая комментировала каждое действие.

– Знаете его? – показывая на мэра, спросила медсестра.

– Не особо, – ответил я. – А вы?

Я благодарен богу за то, что всем нам повезло жить в самом лучшем городе России! И мы на законных основаниях гордимся городом – его славными традициями, его историей, его колоссальными достижениями! Гордимся замечательными жителями, с помощью которых провинциальный Ставрополь-на-Волге превратился в промышленный центр!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.